

Ширвиндт А.

24/10/88

Комсомольское знамя
г. Киев

24 апреля 1988 года.

ВОСКРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

Александр ШИРВИНДТ:



Весь задуманный мною план интервью рушился на корню. Лишь только хотел задать ему первый вопрос, он сам начал беседу:

— Вы не против, если начнем с «глобальных» проблем: кто чего говорит, а правда ли, что слышно? Как, ничего не начало, серьезное? Знаете, в каком бы городе я ни выступал, будь то Омск, Томск, Вильнюс или Рига, слушатели — замечте, они же и читатели — задают два вопроса. Во-первых, как там Пугачева? А во-вторых, почему прикрыли кабачок «13 стульев», словно я, а не Спартак Мишулин там директором был? Ну, насчет Пугачевой, это я к ней обращаться рекомендую. А что касается кабачка, так его публицистика разбила. Нет, правда. Помнится, встретились мы как-то с Мишулиным, когда «13 стульев» были, мягко говоря, на издыхании. Мне Спартак рассказал, пришло письмо, злое такое, возмущенное. Мол, что вы там несли? Пан директор так ответил: что написал сценарист, то и нес. Знаете, с телевидением нынче просто беда. Все сатирики сами в «Вокруг смеха» лезут. Остроты хоть отбавляй.

Да, еще об одном «глобальном» вопросе чуть было не забыл. «Так правда ли?» В Москве, например, в прошлом году Рязанова, ходили слухи, уже нет в живых. Жена телефон отключила, наскучило ей заболевание принимать. Да так об этом говорили, что пришлось Эльдару Александровичу внеплановый вечер во Дворце спорта провести. Ах, слухи, слухи. Стоит Белянчиковой дважды не провести программу «Здоровье», как тут же всем становится известно: беда с ведущей. Как-то идем с Державиным по коридору в телецентре, а она нам навстречу:

— А правда ли? — спрашиваем, не сговариваясь.
— Правда, — отвечает. — Головой об асфальт. За то, что две передачи пропустила, в командировку ездила.
Ну, ладно, на «глобальные» темы поговорили, теперь спрашивайте, что хотите.

— Театр у вас уж больно веселый. Так на серьезные вопросы и тянет. Насчет эксперимента, например...

— Театр сатиры — один из двенадцати московских театров, работающих на эксперименте. Трудностей — хоть отбавляй. Письма идут, жалобы. Например, пишут — у вас Чацкому под 50, не многовато ли? А что поделаешь, если Грибоедова двадцать лет одним составом играем. Катя Васильева — Софья. В монологе к ней: «В 17 лет вы расцвели прелестно» меняют часть фразы: «В свои года...» И так далее, по тексту. Думаете, мы за роли мальчишек и девочек держимся? Просто вакансий нет, а на договор молодого актера режиссер не имеет права взять. Вот и ходим в коротких штанишках. А я уже дедушка.

С репертуаром трудно. Между собой актеры окрестили наш театр «имени сатиры». Мы надеялись: вот-вот достанут наши писатели из ящичков эдакое, чего в застойную пору доставать было нежелательно. Так нет же. Знакомые все имена во всех театрах: Бабель, Платонов, Булгаков...

— Говорят, «Современник» «Плаху» поставил.

— Неудачно, по-моему. Невозможно втиснуть Айтматова в сценическую постановку.

— Так что, у театра сатиры ничего нового в загашинике, получается, нет!

— Как сказать. Сейчас готовим «Шарманку» Платонова. Вещица 32-го года, но пока еще никто не ставил. Да, плюс «Дневник королевы» Володи-

на. Он позднее сотворен, в 64-м году.

— Известно, что вы не только заслуженный артист РСФСР, но и режиссер...

— Не хвалите, а то вспомню реплику одного моего знакомого сатирика. Он говорил: «Когда меня хвалят, кажется, будто за стенкой гроб мой выставлен».

— Да нет, так, к слову. Слышал, за Искандера приняли!

— Он тоже так считает, что принял. Он мой друг и один из любимых писателей. Сочинил прекрасную прозу с названием «Страсти Черноморья». Я, видать, сморщился, прочитав. Нет, читать — здорово, ставить сложно. Он говорит: «Понял». И через время принес еще 60 страниц прекрасной прозы. А вообще-то не только в театре с репертуаром беда, не только на ТВ. То, что вы видите в нашем с Державиным исполнении, своего рода актерский импровиз. А хочется играть сатиру.

В кино тоже положение далеко не блестящее. «Полка» кончилась, а новая продукция идет скачками. Жизнь стремительна. Не случайно я ведь говорю, что публицистика вытеснила, например, сатиру кабачка. Взять фильм «Шантажист». Ольга Чайковская написала очерк в «Литгазете». Володарский сочинил сценарий. Потом снимали. Четыре года прошло. Фильм так себе получился, не злободневный. Тогда сюжет на сенсационности сработал: четыре года назад у нас ведь ни преступности не было, ни наркомании, ни проституции...

— А вы, Александр Анатольевич, скептик. И улыбаетесь, кстати, редко.

— Чего, собственно, улыбаться? И так хорошо. Вот новая студия в Москве появилась. «Союзвидеофильм» называется. Мне сразу же заказ сделали. А я погрузился. О Миронове ленту хотят, чтобы я поставил. Горечь утраты не прошла. Да и боюсь, честно скажу, боюсь. Насмотрелся передач и фильмов о Высоцком: «С Володей мы однажды», «Ах, как-то раз Вова»... Столько друзей появилось. Вот я и опасуюсь фамильярщины в отношении Миронова.

— Но ведь вы действительно были дружны с Мироновым. Это факт. Да, к тому же, знаю, выпускали его дипломный спектакль в вахтанговской студии. Кажется, «Спички меж двух огней» назывался!

— Разница в возрасте была у нас с ним всего ничего, но тогда мое отношение к Андрею было как у девятиклассника к третьекласснику. Я начал преподавать в щукинском институте через два года после выпуска. Потом уже отношения иными стали. И все равно трудно брать за фильм об Андрее Миронове. Мы ход придумали, решили сделать художественную ленту. Посмотрим, что выйдет.

В театре две потери невозполнимые. Да так сразу, да так неожиданно. Лучше не надо об этом снова... Пока же и в жизни и на сцене никто Миронова и Папанова заменить не может.

Давайте о другом.

— Я наблюдал за вашей встречей со студентами Киевского института народного хозяйства. Казалось, не импровиз, а отрепетированная программа.

— Лестно слышать. Значит, конференс удался. Хотя себя никогда к конференсье не причислял. Но настоящему конференсье сейчас сложно. Был в жюри Всесоюзного конкурса артистов эстрады. «Разговорчики» там тонули в море рока. Шли ребята-музыканты, группа за группой, с гитарами наперевес.

В словаре Даля «конференсье» — человек, разговаривающий с залом. В прошлом году скончался в возрасте 97 лет великий мастер общения с залом Алексеев. Вот кому остроты, находчивости и смелости было не занимать.

— К слову, о конференсе. Где ваш друг Державин, почему его в Киеве не было видно!

— Что ж мы с ним сям-

ские близнецы? Он в спектакле занят. Это с ним тоже случается. А если всерьез, многие его по кабачку да по нашим хиханькам знают, а у него тьма центральных ролей в спектаклях.

— Ладно, давайте теперь о другом вашем друге поговорим. О Жванецком. Слухи ходят, вы его еще по одесской таможне знаете.

— Он моих чемоданов не досматривал, но был в его биографии такой штрих. Тогда и познакомились. Но, честно говоря, в Одессе мы с Михал Михальчем чаще, чем в Москве общались. Недавно затасил его к себе — случайно встретились. Как раз в то время и он и я отпраздновали свое пятидесятилетие. Целый вечер сидели, вздыхали. Ахали, охали. Утром он позвонил, рассказ по телефону прочитал, ночью написал: «Если бы я был...» Помните?

— А если бы вы лично не были актером. Что тогда!

— Отец у меня скрипач, мать в филармонии работала. Все время дома только и разговоров, что об искусстве. Но родители меня в него отпускать не хотели. Когда документы в институт подал, им сказал, что на юридический факультет поступаю. Так что я из этих, из «деток». У нас ведь как: сын сталевара — сталевар, это династия. А сын артистов — артист, это «детки». Кстати, и мой сын из «деток». Он в театре Райкина работает.

Может, я плохо на вопросы отвечал? Другие лучше отвечают. Например, тот же Жванецкий. Когда дело к концу подходило, один журналист говорит: «У меня последний вопрос». «А кто сказал, что у меня больше нет ответов?» — парировал Жванецкий.

— Тогда еще вопрос. Нынче от некоторых людей искусство, фамилии которых, правда, мало о чем говорят, слышатся возгласы: вот был период застоя, мы молчали, теперь развремся. Как вы к этому относитесь?

— Очень отрицательно. Надо работать. Всегда стараться себя реализовывать. А нынче так тем более. Но я не верю этим «честнейшим». Кто не работал, тот и не станет. Демагогия. Сатирик, будь то писатель или актер, должен в обществе жить его интересами. Интересами тех, кто собирается в зале, кто берет его книгу в руки.

Записал
В. ДОЛГАНОВ.

Фото В. Пясецкого.